

Аксиологический аспект обско-угорской литературы

А. Н. Семёнов

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
alin52@list.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена рассмотрению обско-угорской литературы в аксиологическом аспекте. Подобный подход позволяет сформировать более обоснованное представление о мировоззрении народа, особенностях его мирозерцания, что обнаруживается в результате анализа как отдельно взятого художественного произведения, так и национального художественного творчества в целом.

Цель статьи: выявить аспекты своеобразия понимания мира, отношения к его ценностям в произведениях писателей обско-угорской литературы.

Материалы исследования: произведения писателей хантыйской и мансийской литератур.

Результаты и научная новизна. Результатом исследования является вывод о том, что аксиологическое начало лежит в основе как художественного творчества, так и в механизме его восприятия.

Научная новизна статьи связана с раскрытием своеобразия произведений хантыйской и мансийской литературы в аспекте их ценностного содержания, отражающего своеобразие национального мировоззрения. Обращение к художественным текстам обско-угорской литературы позволяет расширить и уточнить аспекты гуманитарного и эстетического познания теории аксиологии применительно к художественному творчеству.

В статье предложены пути аксиологического анализа художественных текстов обско-угорской литературы как составной части литературного процесса России рубежа XX–XXI веков.

Ключевые слова: аксиология, ценности, художественная аксиология писателя, универсальные и локальные ценности, явления материальной и духовной реальности, мифологические верования.

Для цитирования: Семёнов А. Н. Аксиологический аспект обско-угорской литературы // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 718–727.

Axiological aspect of Ob-Ugric literature

A. N. Semyonov

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
alin52@list.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the consideration of Ob-Ugric literature in the axiological aspect. This approach allows us to form a more reasonable idea of the worldview of the people, features of their world perception, which is found in the analysis both a separate work of fiction and national artistic creativity as a whole.

Objective: to reveal aspects of originality of understanding of the world, the relation to its values in the works of the writers of Ob-Ugric literature.

Research materials: the works of the Khanty and Mansi writers.

Results and novelty of the research: the result of the study is the conclusion that the axiological principle lies in the basis of both artistic creativity and in the mechanism of its perception.

The scientific novelty of the article is connected with the disclosure of the originality of the works of Khanty and Mansi literature in the aspect of their value content, reflecting the originality of the national outlook. Appeal to the literary texts of Ob-Ugric literature allows to expand and clarify aspects of humanitarian and aesthetic cognition of the theory of axiology in relation to the artistic creativity.

The article suggests the ways of axiological analysis of literary texts of Ob-Ugric literature as an integral part of the literary process of Russia at the turn of XX and XXI centuries.

Key words: axiology, values, artistic axiology of the writer, universal and local values, phenomena of material and spiritual reality, mythological beliefs.

For citations: Semenov A. N. Axiological aspect of Ob-Ugric literature // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (4): 718–727.

Введение

Аксиологические аспекты культурологии уже к середине XIX века определяются в качестве конкретно-научной системы знания о том, как зарождаются, формируются, какие стадии проходят, в каких многоликих конкретных формах могут присутствовать ценностные достижения цивилизации в самых различных областях человеческой деятельности.

В литературоведении накоплен, может быть, не такой обширный, но значительный исследовательский опыт понимания ценностей как нормы, которая в сознании автора и его персонажей соотносится с представлениями об идеальном, нормативном бытии и сознании.

Филологическая наука одним из главных аспектов аксиологического подхода определяет тот, которым исследуются функции, роли ценностей в пространстве художественного текста, в творческой судьбе его автора, в том, как последний представляет себе и историческую судьбу народа, его культуры, и отдельно взятого героя произведения. Художественный текст вне аксиологического контекста в принципе невозможен. По справедливому утверждению М. М. Бахтина, «в абсолютной ценностной пустоте невозможно никакое высказывание, невозможно само сознание» [2, 126].

Это имеет прямое отношение и к литературному творчеству, и к тем, кто занимается его изучением. Интерес к анализу ценностного содержания художественного текста со второй половины XX века неизменно возрастает. В последние два десятилетия появились фундаментальные исследования ценностного аспекта литературного творчества как такового и его результата – художественного текста [15]. Есть исследования, обращённые к бытованию локально-мировоззренческих ценностей, к примеру, православных в русской литературе разных эпох [7].

Последние годы отмечены появлением работ, в которых исследуются проявления аксиологической составляющей в национальной литературе вообще [9; 10; 11] или в конкретном жанровом воплощении [4; 8], в том числе и в творчестве одного автора [20], а также

воплощения ценностных ориентиров как в творчестве писателя в целом [3], так и в отдельно взятом произведении [12].

Исследование аксиологического аспекта творчества писателей ханты и манси нуждается на сегодняшний день в более обстоятельном анализе, так как эпизодические обращения к данной проблеме в научной литературе являются явно недостаточными. Это особенно актуально в свете того, что, к примеру, в методике преподавания литературы «до недавнего времени... оставалась под негласным запретом целая область мысли, особое измерение философских знаний, – аксиология», которая «может дать универсальный и продуктивный подход к пониманию культуры, истории и литературы – т. е. может расширить методологическую базу для их изучения» [21].

За исключением эпизодических обращений, на данный момент отсутствуют фундаментальные исследования ценностных аспектов обско-угорской литературы.

Аксиологический подход к произведению художественной литературы строится на понимании того, что последний является результатом деятельности творческого сознания в познании человеком себя в окружающем мире. С другой стороны, он выступает в качестве средства, пути гармонизации отношений с этим миром посредством многоаспектного диалога. Стремление к такой гармонизации, ощущение её характерно и для автора, создающего свою вторую реальность, свой новый мир, и для читателя, который вступает в непосредственное общение с этим миром. В основе как творчества, так и его восприятия – представления созидющего и воспринимающего сознания о том, «что такое хорошо и что такое плохо», понимание этических, эстетических, культурных ценностей. И в этом понимании присутствуют как индивидуально-личностное, так и национальное, общественно значимое начало.

Автор литературного произведения акцентирует внимание на ценностных смыслах, получая возможность трансляции этих ценностей искусства в социум, влияния на формирование ценностного сознания читающего человека, общества как современного, так и в исторической перспективе.

Материалы и методы

Материалом для теоретических изысканий статьи стали произведения обско-угорской литературы, в которых не столько на риторической, сколько на эстетической основе наиболее последовательно и выразительно проявляется аксиологическое начало. Внимание в исследовании обращено, прежде всего, на наиболее показательные в этом отношении художественные тексты, то есть представляющие интерес как объект, основа теоретического исследования в аспекте аксиологии и поэтики. В этом качестве в статье рассматриваются произведения Е. Айпина, Ю. Шесталова, А. Тарханова, М. Вагатовой, Р. Ругина, В. Мазина, С. Динисламовой, Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой и других авторов.

Главная цель статьи заключается в обосновании взгляда на произведения словесного искусства как явления, и соотносимое с миром ценностей и само обладающее ценностной значимостью. Важнейший аспект статьи – в попытке рассмотрения феномена ценности в свете традиционных, национально-культурных представлений о человеке и мире, о пространстве и времени, добре и зле, в обращении к которому использованы как культурно исторический, так и семиотический метод анализа.

Результат

Художественное творчество *аксиологично* по своей природе: художник обращается к изображению материальных предметов, социальных явлений и процессов, духовных образований, которые обладают для него ценностью, значимостью, они направляют и вдохновляют, определяют жизненное поведение. А читатель, зритель, слушатель, обращаясь к произведению искусства, уже идёт по следам творившего художника. И здесь снова вступает в силу аксиологический аспект.

Этот аспект можно определить как *художественную аксиологию писателя*, которую составляют идейные, нравственные, эстетические, творческие, онтологические ценности. Обратившись к примерам из двух произведений, мы реализовали один из путей определения ценности как таковой, определённый в своё время английским исследователем Дж. Эллисом: «Для того чтобы объект имел ценность, необходимо соотносить его с чем-либо отличным от него самого.

Ценность должна включать в себя как того, кто оценивает, так и то, что оценивается...» [25, 166].

Этот путь может наблюдаться в тот момент, когда герои констатируют трансформацию или даже утрату ценностных ориентаций, их замену новыми. К примеру, такая трансформация по-разному воспринимается героями рассказа Светланы Динисламовой «Мы есть...». Её героиня вспоминает о том, как принятое в народе манси воспитание, имеющее для неё несомненную ценность, не позволяло «задавать много вопросов, вести откровенные разговоры». Это воспитание заставляло стесняться «смеяться и громко разговаривать, прямо смотреть взрослым в глаза» [5, 49].

Героиня переживает за своих детей, которые растут в другое время, и им «оно кажется радостным», однако её не покидают переживания: «Прошли те времена, когда манси жили хорошо: ловили рыбу, охотились, держали оленей, лошадей, коров... Вспоминаю прошлую жизнь, и слёзы наворачиваются, как быстро всё пролетело-промчалось.

За вас очень боюсь, тревожусь. Вы хотите жить в больших городах, придётся работать среди незнакомых людей, выполнять необычную работу. Хватит ли у вас знаний, сил и терпения? Кто же вам будет помогать? Вот и хочу, чтобы знали всех своих дальних и близких родственников, так легче будет в жизни...» [5, 49–50].

Одним из самых важных аксиологических аспектов художественного текста является воссоздание в нём мира как сочетания внешнего и внутреннего, возможностей со- и противопоставления этих планов в аспекте выяснения ценности каждого из них. В своё время английский исследователь русской литературы Р. Пийс, анализируя гоголевскую повесть «Старосветские помещики», пришёл к выводу, что аксиологическое начало её проявляется в том, как противопоставлены в ней внешнее и внутреннее. Смысловые планы делятся на тот, что «лежит на поверхности» – быт, в котором наличествуют черты идиллии патриархального образа жизни. И тот, о котором внешнее, открыто не заявлено, но пониманию его способствует «изобилие картин природы», которое «контрастирует с бесплодностью человеческой жизни, щедрость и привязанность оборачиваются узостью и привычкой, а в самых ярких и спокойных днях вдруг проскальзывает неожиданный, необъяснимый ужас»

[26, 47]. Именно такое ценностное сопоставление семейно-бытового и природного создаёт настоящее ощущение трагичности бытия как такового.

Ценности жизни могут быть *универсальными* или *высшими*, то есть понимаемыми как имеющие характер общечеловеческих. Они могут быть *локальными*, – значимыми для отдельного индивида, социально государственного или семейно-родового сообщества.

История литературы свидетельствует о том, что исторической изменчивости подвержены не только локальные, но и универсальные (онтологические) ценности. Иногда такие изменения оказываются предельно радикальными, как это случилось в России в Петровскую эпоху. В книге Джеймса Кракрафта «Петровская революция в русской культуре» (2004) на обширном историко-культурном материале обстоятельно проанализировано то, как традиционная русская культура и повседневность допетровского времени, целиком зависевшие от годового жизненного цикла, в результате культурного переворота трансформировались в культурные ценности, характерные для искусства барокко и рококо. А после них со своими представлениями о ценностях пришла культура классицизма и ампира [22, 210–220].

Ценность того или иного объекта, явления материальной или духовной реальности в художественном тексте, выявление его положительного или отрицательного значения происходит посредством прямой авторской оценки, через речевую характеристику и поведение персонажей или размышления лирического героя. Последний может утверждать для себя ценность мира как такового, не деля его на «своё» – ценное и «не своё» – не ценное. И, напротив, тот же лирический герой может определять в окружающем мире то, что имеет для него бóльшую и меньшую ценность.

Аналогично ведут себя и герои эпоса. Луна для одного из них в повести Еремея Айпина «Я слушаю землю», в свете мифологических верований его народа, обладает своей сакральной ценностью: «Огненно-медный лик Луны медленно выплывал из-за боровых сосен. И весенние снега, и вечерние облака, и дома, и люди – всё вокруг становилось таким же огненно-пурпурным, как и восходящая Луна. Когда я впервые увидел круглый огромный лик Луны, спросил у мамы:

– Это кто?!

И мама ответила:

– Это Старик Месяц.

Поражённый его живым румянцем и огненной величиной, я показал на него пальцем. Мама строго внушила мне:

– На Старика нельзя пальцем указывать.

– Почему? – удивился я.

– Палец этот заболит. Есть такая примета, – пояснила она и, повернувшись к Старика, добавила: – Он не любит, когда в него пальцем тыкают. Кому это понравится?

Строгий, видно, Старик, подумал я. Надо с ним ухо держать востро. Мне совсем не хотелось, чтобы заболел мой указательный палец...» [1, 149–150]

Луна и её свет оказываются той ценностью, которая неизменно сопровождает героя в его жизненном пути: «Мне всегда казалось, что чем дольше я стоял под Луной, тем больше лунного света уносил с собой в дом. Словно Луна насквозь просвечивала меня, и лунный свет надолго оставался во мне» [1, 152].

В видении лирического героя Андрея Тарханова Луна «по-свойски» может дарить его дому серебро, она способна смотреть «нежно, по-девичьи» и даже рожать «сказку леса», она способна освещать «с улыбкой... фиолетовый клевер мерцающий» и великодушием напоминать поведение друга:

<...> Тогда её сиятельство Луна,

Как друг, великодушия полна. [16, 102]

И даже, будучи неожиданно неуклюжей, Луна, в видении лирического героя не теряет своей ценности:

Бойко прыгала она

С дерева на дерево.

Неуклюжая Луна

В это трудно верила... [17, 19]

Однако самую большую ценность Луна для лирического героя Андрея Тарханова представляет своей способностью сиять в «ночной страде», сопровождая своим сиянием «движенье серебряных звёзд»:

Луна воссияла. Певучие птахи

Притихли у крохотных гнёзд.

Ночная страда – это шорохи, страхи,

Движенье серебряных звёзд. [18, 104]

Свою ценность в Луне видит лирический герой Владимира Мазина:

<...> Луна всю ночь горит свечой

И примирения, и блага.

Поётся слаженно втроём,

Под утро рано ставит точку... [14, 10–11]

Для героев романа-сказания Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток» луна обладает той ценностью, что она, как «старик, мудрый и светлый», умела «разделять обычаи и заветы» [13, I, 255].

В рассказе Ювана Шесталова «Школа – вечный праздник» луна представлена в детском восприятии, и её появление для маленьких героев настолько неожиданно, что могло бы вызвать испуг героя, если бы он был не один: «<...> Вззошла луна. Глазом великана она выглядывала из-за заснеженного тальника. Если бы я был один, то наверняка испугался бы. А когда вдвоём, не страшно. Даже хорошо, что появилась луна. Снег заголубел, заискрился. И небо стало не таким мрачным» [13, I, 472].

Однако самое главное преобразование восприятия луны происходит после того, как ребята поиграли в «необычную игру» – «в загадки». Игра не просто изменяет ведение луны и окружающего пространства, она превращает луну в глазах детей в сказочного персонажа, она создаёт колдовство красоты: «<...> Полная луна разливала голубовато-серебристый свет, тихо трепещущий над глубоко задумавшейся заснеженной рекой. Звёзды усиленно мерцали, стараясь проникнуть своими нежными лучами через толщу лунного тумана, окутавшего землю. Лунная тишина заколдовывала землю.

Мы шли теперь медленно, тихо переговаривались.

– Тебе не кажется, что луна – глаз великана? – говорит загадочно Кирилл.

– Кажется... Только не глазом великана, а будто из-за деревьев смотрит Танварп-эква.

– Та, которая по ночам любит щекотать? Так она ведь около деревни живёт. Мама сказывала...» [13, I, 472]

Приведённые выше примеры иллюстрируют положение, согласно которому ценностью для автора или героя художественного текста является то, что имеет для него определённую значимость, личностный или общественный смысл. Это могут быть устойчивые ценностные ориентации, возведённые в нормы, определяющие формы поведения членов данного социума.

Главная функция аксиологического начала заключается в том, что оно выступает в роли одного из наиболее показательных приёмов

характеристики отдельных персонажей, социальных групп или поколений.

Ценностное отношение к миру, его предметам, явлениям, процессам в художественном тексте реализуется через эмоции, целеполагание, проявление воли и решимости, а также через отсутствие таковых, как в авторском творческом поведении, так и в признаниях лирического героя, образе мыслей персонажей, их отношении к окружающему. Лирический герой Романа Ругина особенно ценным для себя считает то, что это

Хорошо, когда с берёзки пёстрой

Листья косо падают, легки... [13, II, 435]

Его оценка осени возвышается до осознания необходимости славить её во всех проявлениях

<...> Листья разноцветные люблю.

Вот ладонь летящему подставлю,

Жизнь его воздушную продлю!

Хорошо, когда легко слетает

Тихий дождь из тучки надо мной

И струится, словно бы сплетает

Гимну – с небосвод величиной... [13, II, 435]

Не меньшей ценностью обладает для лирического героя и пора снегопада. Сама природа Севера как таковая выступает непреходящей ценностью:

<...> Мне любезна Севера природа,

Я смотрю с восторгом с детских лет,

Как съезжают звёзды с небосвода,

Как за ними остывает след.

Тех маршрутов нет на звёздных картах,

Но зато отлично помню я:

«Езят в гости звёздочки на нартах», –

Объясняла матушка моя... [13, II, 435–436]

Принципиально важно то, что ценность мира, который славит лирический герой, мира, любезного его сердцу, проистекает, в том числе и от того, что в основе его восприятия, видения лежат мифологические представления древнего народа.

Лирическая героиня стихотворения Светланы Динисламовой «Я стою у окна. Потихоньку светает...» (2015) признаётся в том, что ценностью обладает для неё весь окружающий мир с его вихрями и ненастями, потому что в нём «живут мои дети» и «Солнце каждому светит», потому он «прекрасен и добр». Мир наполнен тем, что создаёт ощущение «гармонии чувств», позволяет осознать себя «частицей Вселенной», видеть не только окружающее, текущее, но и историческое:

<...> Мысль – незримая нить. Предо мною просторы.

Моя Сосьва река, лес, Уральские горы.

Предо мною века. Из отдельных мгновений,
Чётко вижу сегодня я связь поколений... [6, 13]

Художественную литературу иногда называют *идеалотворчеством*, и обосновано это тем, что реальные факты, события, свойства, процессы, воплощённые в художественном тексте, не столько отражаются, сколько преломляются, трансформируются и, в конечном итоге, оцениваются создателем этого текста в аспекте участия, восхищения, любви или наоборот неприятия, несогласия и даже ненависти.

В глазах как автора, так и его героев любой предмет или явление, процесс обладают определённой ценностью, которая, с одной стороны, определяется объективными свойствами этих предметов или явлений. Однако, с другой, такая ценность зависит от вкусов, предпочтений, симпатий воспринимающего. Такое двуединство позволяет определить ценность как субъективно-объективную реальность. Последнее обусловлено, в том числе и тем, что ценное обладает способностью доставлять человеку удовольствие. Другое дело, что движение человека во времени, его развитие меняют представления об удовольствии, а, значит, и о ценности вещей, явлений, процессов. Один из авторов социальной теории начала XX века американский учёный Джон Дьюи подчёркивал: «Даже самые преданные сторонники концепции, утверждающей, что удовольствие и ценность являются эквивалентными фактами, не рискнули бы согласиться с тем, что, однажды полюбив вещь, мы обязательно продолжим любить её... Ценности могут быть изначально связаны со вкусом, и даже не с каждым вкусом, а только лишь с теми, которые одобряются суждением ума» [24, 351].

Литературное произведение несёт в себе вполне определённые представления о ценностях жизни, принципиально важные для автора, которым владеет стремление раскрыть их сущность, поделиться своей точкой зрения на то, что, по его мнению, действительно «золото», а что только «золотом блесит». И тогда синонимом ценности может выступать понятие истина, с воплощением которой в художественном тексте всё не так просто, как может показаться на первый взгляд. Диалектику воплощения ценностей подметил в своё время И. С. Тургенев: «Точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни есть величайшее счастье для литератора, даже если эта

истина не совпадает с его собственными симпатиями» [19, 88].

В развитие мысли писателя отметим, что проблема ценности образного воплощения предмета или явления, качества жизни или характера в художественном тексте оказывается в значительной степени связанной с объективностью такого в понимании её и создателем, сознанием, воспринимающим [23, 85–90].

С другой стороны, и само произведение входит в оборот общественной жизни, в пределах которой формируется его функция, определяется общественная ценность. Как и произошло, к примеру, с романом «Отцы и дети» И. С. Тургенева, по поводу которого он написал свои заметки: в сознании современников образ главного героя сложился не таким, каким представлял его сам автор.

Свою функцию в художественном произведении выполняют как *духовные*, так и *материальные* ценности. К первым можно отнести нормы нравственности, жизненного поведения, произведения искусства и отношение к творческому труду, достижениям науки. Например, для лирической героини Марии Вагатовой (Волдиной) одной из таких духовных ценностей является сердце матери:

<...> Коль с ценой – то нет дороже той цены на всей Земле,

если с честью, без корысти, – не найти и слова мне.

Ну, а коль с ценою жизни сердце матери сравню, то достоинства и чести сердца я не уроню... [13, II, 165]

Особой духовной ценностью обладают у неё «песня бабушки» и «рука друга», «слово деда»... В эпической поэме Микуля Шульгина «Макар Осмаров» от имени автора перечислены духовные ценности, которые удалось вернуть народу ханты:

<...> И ханты средь лесов родной земли

Работали, смеялись и любили,

И всё, что раньше предки позабыли, –

Честь, смелость, радость – снова обрели... [13, II, 731]

Материальное начало также присутствует в понимании человеком ценности окружающего его мира, отсутствие такового противоречило бы его дуалистической сущности.

В лирическом пространстве Марии Вагатовой значимы и материальные ценности, прежде всего те, которые добываются трудом человека, те, которые обеспечивают жизнь, дают уверенность в будущем:

<...> Обь роняла украшенья
Осетров и нельм.
Волочились, будто брёвна,
Щуки и налимы,
Стерлядь шла легко и ровно
Жёлтого налива... [13, II, 164]

Лирический герой Владислава Молданова уверен в том, что в его народе живёт представление о важности, как материальных, так и о духовных ценностей, ибо он способен производить как те, так и другие:

<...> Калданку-лодку изготовить сможет,
Поставить чум
или избу срубить,
Спеть,
станцевать на игрищах Медвежьих –
Сумеют ханты мир искусством удивить! [13, II, 312–313]

В представлениях героини повести Оксаны Динисламовой «Диалог поколений: мама с дочкой» духовное и материальное совмещаются в одно целое: «<...> А, в общем-то, что по сравнению с шубой современной мансийское сахи!? Ни один дизайнер одежды не сможет сотворить и даже повторить сотворение этого белоснежного тёплого чуда. Представь, сколько кропотливого труда, усердия, старания требует его пошив. Это ж целое искусство!...» [13, I, 80].

Обсуждение и заключение

Отношение автора художественного текста к создаваемому миру, второй реальности неизменно носит оценочный характер. Герои литературного произведения, в свою очередь, постоянно оценивают всё, с чем они имеют дело в этом искусственно созданном мире художественной реальности. В основе такого оценивания (как авторов, так и их персонажей) лежат мировоззрение, потребности (нужное/ненужное), практические интересы и духовные запросы.

В сознании народов ханты и манси, о чём наглядно свидетельствуют приведённые (а их может быть много больше) примеры, ценности отождествляются с бытием. Одна из основ истинного бытия кроется в мифологии, в которой сформировалось их отношение к растительному и животному миру, воде и свету, звёздам и Луне,

семейному укладу (читай – ценностям), родителям... Одной из особенностей и несомненным достоинством литератур обско-угорских народов является способность к сохранению в художественном сознании аксиологических традиций, идущих от мифологии, при всём том, что представления о системе ценностей претерпевают эволюцию как в общественном сознании, так и в сознании отдельного индивидуума. По отношению к культуре, языкам малочисленных народов Севера эта эволюция носит подчас разрушительный характер, тем значительнее тот факт, что литература этих народов обладает способностью хранить и транслировать непреходящие ценности своего видения мира и человека, отражать его духовные возможности.

Анализ аксиологических начал литературного творчества открывает возможности более глубокого изучения структуры личности как создателя художественного текста, так и персонажей им сотворённых в единстве понимания ими настоящего, прошедшего и будущего. Последнее подтверждается обращением к произведениям Еремея Айпина и Андрея Тарханова, Марии Вагатовой (Волдиной) и Романа Ругина, Ювана Шесталова и Владислава Молданова.

Устремления личности есть её представления о будущем, о том, что в этом будущем более желательно. В настоящем личность проявляется в понимании нужности/ненужности предметов и явлений, процессов. Показателем существования прошедшего в структуре личности является то, что хранимо ею в первую очередь, что является достоянием её «тайников сердца». Отношение к ценностям настоящего, прошлого и будущего – это и есть структура внутреннего мира личности, её индивидуальное бытие. Речь, разумеется, идёт, в первую очередь, не о политэкономической контаминации понятия ценности как основной категории политэкономии, т. е. в смысле *стоимости*, цены, а в аспекте того, что можно номинировать как интенциональность личности – в понимании *блага, цели, гармонии*. При всём том, что в отделении первого от второго в понимании ценности есть своя сложность, обусловленная глубокими историческими корнями данной категории.

Список источников и литературы

1. Айпин Е. Д. В ожидании первого снега: Повести [Пер. с хант.]. М.: Сов. Россия, 1990. 160 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

3. Головкин В. М. Ценностные ориентиры в системе художественного миропонимания В. И. Слядневой // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 1 (33). С. 32–40.
4. Гусева Н. В., Кудрявцева Р. А. Художественная реализация аксиологической проблематики в марийском рассказе второй половины 1940-х – начала 1980-х годов о Великой Отечественной войне (жанрово-стилевые тенденции) // *Litera*. 2018. № 4. С. 26–34.
5. Динисламова С. С. Мы есть: Стихотворения, рассказы. Ханты-Мансийск, Юграфика, 2013. 128 с.
6. Динисламова С. С. Ятил Войкан... = Милое Пресветлое...: Сборник стихотворений и рассказов на мансийском и русском языках. Тюмень: ФОРМАТ, 2017. 200 с.
7. Казанцева И. А. Православная аксиология в русской прозе XX – XXI веков: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2011. 460 с.
8. Калашникова Л. В., Кудрявцева Р. А. Аксиологическая антитеза в образной системе марийского нравственно-психологического рассказа второй половины XX века // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 427–438.
9. Кудрявцева Р. А., Шкалина Г. Е. Аксиологическая парадигма марийской литературы: к постановке проблемы научного исследования // *Materiály XI Mezinárodní vědecko-praktická konference «Zprávy vědecké ideje – 2015» (27 října – 05 listopadu 2015 roku)*. Díl 4: Právní vědy. Historie. Filosofie. Praha: Publishing House «Education and Science» s.r.o, 2015. S. 63–66. URL: http://www.rusnauka.com/40_NNM_2015/Philosophia/1_201553.doc.htm (дата обращения: 24.10.2019)
10. Кудрявцева Р. А. Этноценностная парадигма марийской литературы // Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности: сб. ст. Йошкар-Ола: Марий. гос. ун-т, 2015. С. 17–24.
11. Кудрявцева Р. А. Аксиологическая парадигма марийской литературы: состояние и горизонты научного изучения проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3(57). Ч. 1. С. 25–29.
12. Кудрявцева Р. А. Рассказ Т. Ефремова «Большая Шигак-сола»: Аксиологическая концепция автора и поэтика народного характера // *Современные тенденции в области гуманитарных и социальных наук: Сб. материалов IV Международной научно-практической конференции*. Йошкар-Ола: Марий. гос. ун-т, 2019. С. 101–107.
13. Литературное наследие обских угров. В 2-х томах / Сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: Принт-2, 2016. Т. I, 564 с.; Т. II, 748 с.
14. Мазин В. А. Пристань радостей и печалей. Сборник стихов. Сургут: Северный дом, 1997. 112 с.
15. Попова Е. В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2004. 255 с.
16. Тарханов А. С. Буранная Россия: Стихотворения. Тюмень: Экспресс, 2015. 240 с.
17. Тарханов А. С. Когда улыбаются кедры: Книга для детей всех школьных возрастов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2016. 180 с.
18. Тарханов А. С. Природы чудные мгновенья: Поэтический фотоальбом. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2016. 264 с.
19. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1982. Т. 11. 527 с.
20. Филатов А. В. Аксиология пространства и времени в адамическом мифе Н. С. Гумилёва // *Соловьёвские исследования*. 2019. № 3 (63). С. 162–171.
21. Шарова Т. В. Аксиологический подход в изучении литературных произведений в школе (на примере анализа сказки Г. Х. Андерсена «Снежная королева»). URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2019/08/26/aksiologicheskij-podhod-v-izuchenii-literaturnyh-proizvedeniy-v> (дата обращения: 24.10.2019).
22. Cracraft, J. *The Petrine Revolution in Russian Culture*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. 560 p.
23. Daston L., Galison P. *The Image of Objectivity* // *Representations*. 1992. No. 40. Pp. 81–128.
24. Dewey J. *John Dewey's Philosophy*. New York: Modern Library. 1930. 786 p.
25. Ellis J. M. *Great art. A study in meaning* // *British journal of aesthetics*. 1963. Vol. 3. No. 2. Pp. 166.
26. Peace R. *The enigma of Gogol*. New York: Cambridge University Press, 1981. 344 p.

References

1. Aipin E. D. *V ozhidanii pervogo snega: Povesti* [Waiting for the first snow: Stories]. Moscow: Sov. Russia Publ., 1990. 160 p. (In Russian)
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 423 p. (In Russian)

3. Golovko V. M. *Cennostnye orientiry v sisteme hudozhestvennogo miroponimaniya V. I. Slyadnevoj* [Value orientations in the system of artistic worldview of V. I. Slyadneva]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education], 2019, no. 1 (33), pp. 32–40. (In Russian)
4. Guseva N. V., Kudryavtseva R. A. *Hudozhestvennaya realizaciya aksiologicheskoy problematiki v marijskom rasskaze vtoroj poloviny 1940-h – nachala 1980-h godov o Velikoj Otechestvennoj vojne (zhanrovo-stilevyje tendencii)* [Artistic realization of axiological problems in the Mari story of the second half of the 1940s – early 1980s about the Great Patriotic War (genre and style trends)]. *Litera* [Litera], 2018, no. 4, pp. 26–34. (In Russian)
5. Dinislamova S. S. *My est': Stihotvoreniya, rasskazy* [We are: Poems, stories]. Khanty-Mansiysk: Yugrafika Publ., 2013. 128 p. (In Russian)
6. Dinislamova S. S. *Yatil Vojkan... = Miloe Presvetloe...: Sbornik stihotvorenij i rasskazov na mansijskom i ruskom yazyka* [Yatil Vojkan... Pretty Light...: Collection of poems and stories in the Mansi and in Russian languages]. Tyumen: Format Publ., 2017. 200 p. (In Russian)
7. Kazantseva I. A. *Pravoslavnaya aksiologiya v ruskoj proze XX–XXI vekov* [Orthodox axiology in Russian prose of the XX–XXI centuries]. Tver, 2011. 460 p. (In Russian)
8. Kalashnikova L. V., Kudryavtseva R. A. *Aksiologicheskaya antiteza v obraznoj sisteme marijskogo npravstvenno-psihologicheskogo rasskaza vtoroj poloviny XX veka* [Axiological antithesis in the figurative system of Mari moral and psychological story of the second half of the XXth century]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2019, no. 9 (3), pp. 427–438. (In Russian)
9. Kudryavtseva R. A., Shkalina G. E. *Aksiologicheskaya paradigma marijskoj literatury: k postanovke problemy nauchnogo issledovaniya* [Axiological paradigm of Mari literature: to the problem of scientific research]. *Materiály XI Mezinárodní vědecko-praktická konference «Zprávy vědecké ideje – 2015» (27 října – 05 listopadu 2015 roku). Díl 4: Právní vědy. Historie. Filosofie* [Materials of the XI international scientific and practical conference «Reports of Scientific Ideas – 2015». Part 4: Law. History. Philosophy]. Prague: Publishing House «Education and Science», 2015. pp. 63–66. Available at: http://www.rusnauka.com/40_NNM_2015/Philosophia/1_201553.doc.htm (accessed October 24, 2019). (In Russian)
10. Kudryavtseva R. A. *Etnocennostnaya paradigma marijskoj literatury* [Ethnocentric paradigm of Mari literature]. *Hudozhestvennaya kul'tura narodov Volgo-Kamskogo polietnicheskogo regiona v paradigme sovremennosti: sb. st.* [Artistic culture of the peoples of the Volga-Kama polyethnic region in the paradigm of modernity: collection of articles]. Yoshkar-Ola: Mar. gos. un-t Publ., 2015. pp. 17–24. (In Russian)
11. Kudryavtseva R. A. *Aksiologicheskaya paradigma marijskoj literatury: sostoyanie i gorizonty nauchnogo izucheniya problem* [Axiological paradigm of Mari literature: state and horizons of scientific study of the problems]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2016, no. 3 (57), ch. 1, pp. 25–29. (In Russian)
12. Kudryavtseva R. A. *Rasskaz T. Efremova «Bol'shaya Shigak-sola»: Aksiologicheskaya koncepciya avtora i poetika narodnogo haraktera* [T. Efremov's story «Big Shigak-Sola»: Axiological concept of author and poetics of folk character]. *Sovremennye tendencii v oblasti gumanitarnyh i social'nyh nauk: Sb. materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Modern trends in the field of Humanities and social sciences: Collection of materials of the IV International scientific and practical conference]. Yoshkar-Ola: Mar. gos. un-t Publ., 2019. pp. 101–107. (In Russian)
13. *Literaturnoe nasledie obskikh ugrov. V 2-kh t.* [Literary heritage of the Ob Ugrians. In 2 vol.]. Izhevsk: Print-2 Publ., 2016. Vol. 1, 564 p.; Vol. 2, 748 p. (In Russian)
14. Mazin V. A. *Pristan' radostej i pechalej. Sbornik stihov* [Pier of joys and sorrows. Collection of poems]. Surgut: Severnyj dom Publ., 1997. 112 p. (In Russian)
15. Popova E. V. *Cennostnyj podhod v issledovanii literaturnogo tvorčestva* [Value approach in the study of literary creativity]. Vladikavkaz: Izd-vo Sev.-Oset. gos. un-ta im. K. L. Hetagurova Publ., 2004. 255 p. (In Russian)
16. Tarkhanov A. S. *Burannaya Rossia: Stihotvoreniya* [Snowstorm Russia: Poems]. Tyumen: Express Publ., 2015. 240 p. (In Russian)
17. Tarkhanov A. S. *Kogda ulybayutsya kedry: Kniga dlya detej vsekh shkol'nyh vozrastov* [When cedars are smiling: Book for children of all school ages]. Yekaterinburg: Ural'skij rabochij Publ., 2016. 180 p. (In Russian)
18. Tarkhanov A. S. *Prirody chudnye mgnoven'ya: Poeticheskij fotoal'bom* [Wonderful moments of nature: Poetic photoalbum]. Khanty-Mansiysk: Nowosti Yugry Publ., 2016. 264 p. (In Russian)
19. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t.* [Full Collection of works and letters: In 30 vol.]. Moscow: Nauka Publ., 1982. Vol. 11. 527 p. (In Russian)

20. Filatov A. V. *Aksiologiya prostranstva i vremeni v adamicheskom mife N. S. Gumilyova* [The axiology of space and time in the Adamic myth by N. S. Gumilev]. *Solov'evskie issledovaniya* [Solovyov Research], 2019, no. 3 (63), pp. 162–171. (In Russian)
21. Sharova T. V. *Aksiologicheskij podhod v izuchenii literaturnyh proizvedenij v shkole (na primere analiza skazki G. H. Andersena «Snezhnaya koroleva»)* [Axiological approach in the study of literary works at school (on the example of the analysis of the fairy tale by G. H. Andersen «The Snow Queen»)]. Available at: <https://nportal.ru/shkola/literatura/library/2019/08/26/aksiologicheskij-podhod-v-izuchenii-literaturnyh-proizvedeniy-v> (accessed October 24, 2019). (In Russian)
22. Cracraft J. *The Petrine Revolution in Russian Culture*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. 560 p. (In English)
23. Daston L., Galison P. The Image of Objectivity. *Representations*, 1992, no. 40, pp. 81–128. (In English)
24. Dewey J. *John Dewey's Philosophy*. New York: Modern Library, 1930. 786 p. (In English)
25. Ellis J. M. Great art. A study in meaning. *British journal of aesthetics*, 1963, no. 3 (2), p. 166. (In English)
26. Peace R. *The enigma of Gogol*. New York: Cambridge University Press, 1981. 344 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Семёнов Александр Николаевич, профессор, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д.14 А), доктор педагогических наук.

alin52@list.ru

ORCID ID: 0000-0001-8247-8099

ABOUT THE AUTHOR:

Semyonov Alexander Nikolaevich, Professor, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Doctor of Pedagogical Sciences.

alin52@list.ru

ORCID ID: 0000-0001-8247-8099